

**Миссионер Эрастус
(Алексей ПЕТРОВ)**

*Пер. с англ., вступ. ст., коммент.
свящ. В. Умнягин*

Письмо 1

«Скоро освобожден будет пленный».

Ис. 51. 14²

Спешу сообщить Вам, что милостью Божией я жив и пребываю в добром здравии. В течение долгого времени у меня не было возможности вести переписку с Вами. Теперь же Бог вывел меня из плена, в котором я пребывал так долго, и даровал мне свободу. Я был арестован в 1927 году в ... но теперь свободен! Господь вложил в мое сердце мысль о том, чтобы я покинул Россию. В октябре я пересек границу и теперь нахожусь в Китае.

В течение семи месяцев меня держали в следственной тюрьме в Л[енинграде], затем по решению Особого Совещания – сослали на Север. Там я провел три года и просидел еще лишние шесть месяцев из-за того, что в нужное время вместо меня по ошибке выпустили моего однофамильца. После окончания положенного срока я надеялся получить свободу, но вновь оказался на Севере, где жизнь и условия существования были хуже прежних. Но с помощью Божией я вынес все, а моя вера во Христа стала еще крепче. Надеюсь, что в ближайшее время здесь окажутся и мои близкие, о которых я ничего не знаю в данный момент. Трудно сказать, куда Господь направит ме-

ня, но пока я думаю остаться в Китае. Есть вопросы с визами, и у меня недостаточно средств, но я верю, что если Господь захочет куда-то направить меня, то Он устранил все препятствия. Я бы хотел поехать в Америку и послужить Богу там.

Другие братья все еще находятся в заточении. Они не знают о том, что я свободен, поскольку об этом невозможно было написать. Сейчас у меня много материалов, которые касаются судьбы этих страдальцев и миссионерского служения в России.

Мне пришлось пройти и проехать 9000 миль, Бог чудесным образом уберегал меня от Своих врагов. Много раз при весьма опасных обстоятельствах я подвергался допросам и обыскам, но Господь, верный Своему слову, не оставлял меня. В настоящий момент я намереваюсь отдохнуть духовно и физически. Заботливые братья передали меня на попечение верующей семье, в которой я теперь живу, окруженный любовью и заботой. Я еще не участвую в делах духовного служения, т.к. не имею паспорта.

¹ Публикуется по: Missionary Erastus. Solovki: A Living Cemetery (Australian edition) / translated by N. Grushenkova. – Sidney, The Russian Missionary Society, 1934. – P. 30 / Пер. с англ., вступ. ст., коммент. свящ. В. Умнягин.

² Здесь и далее библейские цитаты приведены в соответствии с Синодальным переводом Священного Писания на русский язык.

Письмо 2

«Ты не много имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не отрекся имени Моего».

Откр. 3. 8

Мои сердечные поздравления всем дорогим братьям и сестрам во Христе. Благодарю всех, кто вспоминал меня. В трудные минуты жизни я часто чувствовал мощную поддержку извне, новый свет и надежда заполняли тогда мою душу, ибо я знал, что это было молитвенное возношение обо мне в разных странах.

Страдания, через которые я прошел, воспринимались мною теперь как огненное горнило, в котором Бог очистил меня и сделал более пригодным для Своего служения. Я свободен, но многие братья погибли в заточении.

Были моменты, когда я стремился разлучиться с телом и предстать пред Богом. Но на то была Его воля, чтобы я вышел из темницы и покинул Советскую Россию. Не забывайте молиться об этой несчастной стране и тех братьях, которые проходят через чудовищные страдания.

Мы пересекли границу только с тем, что имели на себе. Ваша помощь пришлась очень кстати. Благодарю и за ту поддержку, которая была оказана моей семье во время моего отсутствия. Господь Вседержитель воздаст всем вам. В настоящее время я отдыхаю среди единомышленников. Мне хотелось бы открыть приют для тех, кто подобно мне всецело полагается на Бога, Отца Сиrot. Сначала я не знал, где открыть его, но, прожив два месяца в Маньчжурии, пришел к выводу, что это самое подходящее место для задуманного мною начинания.

Письмо 3

«Иисус Христос вчера и сегодня и вовеки Тот же».

Евр. 13. 8

«Не оставлю тебя и не покину тебя».

Евр. 13. 5

Мои сердечные поздравления всем Божиим детям, которые живут за пределами Советской России. Силою благодати и божественной любви мы все живы и здоровы. Я благополучно перевез свою семью из семи человек в Харбин. Всего у меня четверо детей, старшему из них 10 лет, самому младшему – четыре года. Мы преодолели 140 миль на лошадях. В одном месте

во время ночлега на нас напали китайские грабители, которые похитили деньги и прочее добро, но Господь все это время не оставлял нас и привел в Харбин. Теперь мы свободны, счастливы и полны благодарности нашему Создателю и Богу.

Я составлю описание жизни на Соловецких островах, и как только появится возможность, вышлю Вам копию этих записок вместе с нашей фотографией.

Благодарю за Ваше сердечное отношение ко мне и членам моей семьи, за все то, что Вы сделали для нас, находясь в Лондоне и Риге. Примите мою самую сердечную благодарность и выражения любви ко всем братьям и сестрам, которые принимали участие в этом. Бог да воздаст всем вам.

В предыдущем письме я сообщал о желании открыть приют, но последние события резко изменили мои намерения. Харбин был захвачен японцами, и сейчас мы находимся под их властью. Что будет дальше, мы не знаем. Положение в городе не самое лучшее, в центре более безопасно, но на окраинах хозяйничают бандиты.

Здесь также находится отступивший от веры брат, который предал много христиан в Советской России, в результате они были арестованы и отправлены в концлагерь. Теперь этот человек вне церкви, поскольку многие знают о его поведении на родине.

Я хотел бы перебраться в Европу и в Америку. Материально мы сейчас полностью зависим от Бога, который никогда не забывал нас. Воистину, Он вчера и сегодня и вовеки Тот же. Он чудесным образом защитил меня во время заключения, и затем в течение долгого путешествия с дальнего Севера из Архангельска до Владивостока Его Рука покрывала меня и я чувствовал Его защиту. Мое спасение напоминало освобождение апостола Петра из темницы, несомненно, я решился бежать только по воле Творца.

Я испытывал крайнюю нужду в деньгах, чтобы обратиться к границе вместе со своими родными, и Господь поддерживал нас. Пересечение границы обошлось нам приблизительно в 150 фунтов. Я верю, что Бог не оставит мою семью. Это поразительно, как Он поддержал ее. В течение трех месяцев мои близкие питались исключительно кукурузой, и я ожидал увидеть их крайне истощенными, но Бог поступил с ними, как некогда с пророком Даниилом и его друзьями, которые отказались вкушать мясо и вино на пиру царя, но имели более цветущий вид, чем те, кто окружали их. Когда я встретил свою семью, у них также были розо-

вые щеки. Все братья в Харбине были поражены этим фактом. Я пишу это, конечно, ради похвалы Бога, Который никогда не оставляет Своих.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СОЛОВЕЦКИЙ ЭТАП

День отъезда из тюрьмы многочисленной группы заключенных в Соловецкие лагеря был отмечен необычайной суетой и беспокойством. Надзиратели все время рыскали с места на место, рассыпая вокруг себя самые изощренные ругательства. Не менее озабоченными казались и заключенные. Самым тяжелым испытанием для них является последнее свидание с родственниками. «Увижу ли я эти родные лица? Вернусь ли домой? Как долго пробуду в ссылке – три года, пять или 10 лет». Эти и подобные им вопросы заполняют мысли арестантов и их близких.

Людям только за два или три дня до отправки сообщают о том, что они приговорены к концлагерю. Тем не менее многие стараются заранее узнать как можно больше о жизни на Соловках, чтобы морально подготовить себя к этому испытанию.

Финансовые вопросы – скудные выплаты за выполненные в тюрьме работы – улажены. Заключенных выводят из общих камер, вслед за ними несут их следственные дела.

Тех, кого отправляют на Соловки, в семь часов вечера собирают в отдельной камере. Жалкие пожитки арестантов начинают обыскивать. Все тщательно и аккуратно упаковано, но конвой, которому предстоит сопровождать этап, не доверяет тюремной администрации, и все пересматривается еще раз. При этом охранники присваивают себе то, что кажется им лишним для заключенных, вместо того чтобы вернуть вещи их родственникам.

После обыска в камере царит жуткий беспорядок; все разбросано, развязано, порвано. Звучит команда: «Быстро собраться». Опасаясь потерь, присутствующие стараются как можно быстрее подобрать свой скарб. Далее проверяются документы. Каждый получает хлебный паек и несколько селедок на дорогу до города Кемь, который является местом назначения.

По окончании всех приготовлений людей выводят в тюремный двор и выстраивают в шеренги. Вещи погружены на телегу, арестантов окружают конвоиры с обнаженными саблями и примкнуты-

ми штыками. Начальник отдает последние указания, предупреждая о том, что разговоры по дороге запрещены, а любые попытки к бегству будут караться расстрелом. В тот день из нашей тюрьмы предварительного заключения в концлагерь было отправлено шестьдесят человек.

Все формальности завершены, тяжелые железные ворота тюрьмы открываются, этап в оцеплении охранников выходит на городскую улицу. Ее яркий свет оказывает ошеломляющее воздействие на людей, они как будто попали в другой мир, где жизнь бьет через край. Сочувствующие, зеваки, целая толпа заполняет тротуары. Здесь есть и родственники заключенных. Последние размахивают платками, подают знаки головой, но узникам не разрешено даже смотреть в их сторону. Невзирая на запрет, некоторые близкие и друзья пытаются протиснуться к строю, однако конвоиры грубо отгоняют их.

Наша партия двигалась посередине улицы. Мы, верующие, оказались в первом ряду и поэтому хорошо видели наших дорогих братьев и сестер во Христе, которые пришли проводить нас. Они стояли по обеим сторонам дороги, многие кланялись нам до земли, когда мы проходили мимо. Процессия была очень торжественной; мы чувствовали себя героями, которые возвращались с великой победой.

Да, это и было нашим триумфом. Те, кто сдались во время следствия, – получили свободу, те, кто выстояли, – отправились в Соловецкий лагерь, чтобы довершить там свою победу.

Погрузка

Нас привели на Октябрьский вокзал и затолкали в вагоны, которые скоро заполнились людьми. Внутри было темно, на окнах стояли решетки, полки для сна были устроены в три яруса.

Спустя час мы увидели в окно еще одну партию каторжан, которых пригнали на платформу для отправки в концлагерь. Они прибыли из второго дома заключения в Ленинграде, пересыльной тюрьмы, куда собирали арестантов со всех концов России.

Поезд был переполнен, два купе в нашем вагоне занимали женщины, которых также сослали на Соловки.

Стояла ясная морозная февральская ночь; рядом с железнодорожными путями находилась хорошо освещенная площадь. Родственники – жены, дети, сестры и друзья – собрались на ней,

высматривая наш вагон. Несмотря на попытки охраны оттеснить их, родные все же смогли найти нас. Мы первыми разглядели их через окно, но не знали, как дать знать об этом. В конце концов, один сокамерник, имевший при себе салютную свечу, зажег ее и поставил на маленький столик рядом с окном. Охранники не поняли этой хитрости и не стали тревожить нас. Один за другим мы приближались к стеклу так, что собравшиеся на улице могли нас хорошенько разглядеть. Мы были рады, что родственники и друзья поняли эти действия. Они смотрели внимательно в нашу сторону, время от времени махали платками и руками.

Вооруженная охрана не подпускала собравшихся к вагонам, но все же среди солдат встречались добросердечные люди, которые были готовы оказать помощь. Они брали продовольственные посылки наших близких и передавали их нам. В передачах были хлеб, колбаса, фрукты и другая снедь.

Когда начальник охраны наконец разгадал наши сигналы, он приказал солдатам отогнать толпу. Свечу отобрали, мы погрузились в темноту.

В пути

В два часа ночи, когда погрузка заключенных была завершена, поезд тронулся. Испросив благословение у Бога на предстоящий путь, мы стали готовиться ко сну. Прошло три дня и три ночи, прежде чем мы добрались до конечного пункта нашего назначения – города Кемь, который стоит на берегах Белого моря.

Путешествие было благополучно завершено. По выходе из вагона нам приказали выстроиться в шеренги по пять человек. Начальник конвоя провел переключку, чтобы удостовериться, все ли на месте, после этого нас передали в распоряжение соловецкой администрации. Я не собираюсь рассказывать про все те ужасы, которые мы пережили на пути к лагерю, но лишь хочу описать яркую картину прибытия этапа и его встречи с охраной в Кемь.

Прибытие

Наше имущество было загружено на сани, вооруженные солдаты из числа заключенных окружили нас и погнали как стадо овец к карантинным помещениям, которые были расположе-

ны в трех километрах от железнодорожной станции. Охранники были очень жестоки. Их скотское поведение и грубые замечания постоянно заставляли наши сердца сжиматься от ужаса. Мы достигли карантинных зданий, которые были ничем иным как дюжиной больших бараков, выстроенных на морском берегу. Каждый из них был окружен колючей проволокой. Вновь провели переключку, те, чьи имена были названы, проходили за ограду и вставали в строй. Было очень холодно, стоял мороз, многие дрожали от холода, так как были плохо экипированы. Уголовники, особо нуждающиеся в одежде, стояли почти голыми, но на это никто не обращал внимания.

Как только закончилась переключка, охранники приблизились к нам. Была дана команда «Внимание», и командир полка обратился к новоприбывшим с речью. Сначала он обозвал нас контрреволюционерами и врагами советской власти, затем начал говорить об обязанностях каждого заключенного и тех наказаниях, которые последуют в случае неповиновения. Вслед за инструкцией по лагерной дисциплине вновь прозвучала команда: «Внимание». Никто не шелухнулся. Несчастных людей, ошеломленных от страха и грубого обращения, стали обучать военной дисциплине, репетировать приветствие и так далее. Не делалось никаких исключений, хотя в строю были люди разных возрастов, некоторые старше 80 лет. Только женщины были освобождены от военной муштры и отделены от общей массы заключенных.

Драконовская дисциплина

Начальник выкрикнул обычное военное приветствие. Ответ заключенных прозвучал вяло и нестройно. У большинства горло пересохло от жажды или было простужено, к тому же люди были голодны, но больше всего они нуждались в отдыхе после долгого и утомительного переезда. «В чем дело? Я не слышу вас. Отвечайте громче», – потребовал комендант грубым сердитым голосом. Заключенные повторили «Здра!..» Хотя на этот раз ответ прозвучал громче, но слышался разноречивой, когда одни только начинали приветствие, другие уже заканчивали его. Командир вновь пробасил: «Громче, еще громче, так, чтобы вас было слышно за 60 километров отсюда, отвечайте на одном дыхании». Эта комедия продлилась целый час. Изможденные люди все кричали и кричали своими хриплыми голосами, но не

сильно преуспевали в том, чтобы их приветствие звучало громко и слаженно. Начальник вышел из себя, нескольких человек он сильно ударил по лицу, что, конечно, не решило проблемы. Вначале я вместе со всеми пытался кричать, но видя, что это не имеет никакого смысла, стал только открывать рот.

Вслед за этим нам преподали еще несколько уроков военной дисциплины. Надзиратели долго пытались обучить валившихся с ног заключенных, но вновь не преуспели в этом. Было извергнуто немало самой отвратительной, непристойной брани. Они поносили Бога Отца, Спасителя, и все то, что было чистым и святым. Я пришел в ужас. Мерзкая атмосфера, казалось, пачкала мое сердце, отравленный воздух проникал в естество. Как Божье создание могло пасть так низко? Сердца этих людей были переполнены скверны и жестокости. Мы впали в уныние. «Что же будет дальше?» – спрашивали заключенные друг друга. Между тем охранники злились все больше, видя, что мы не делаем никаких успехов в военной подготовке.

Доведенный до бешенства комендант приказал нам сложить свои вещи и встать в строй. Прозвучала уже привычная команда: «Внимание». Мы подняли глаза. Только из-за того, что заключенные не преуспели в военной муштре, две сотни человек вывели во двор и заставили бежать вдоль колючей проволоки. Я никогда не забуду это ужасное зрелище. Старые, больные, голодные... все должны были мчаться, не отставая от других. Трудно сказать, зачем была нужна эта пытка? У этой гонки не было никакой цели, никакого смысла или практической пользы. Людей мучали просто ради мучения. Единственная причина, объясняющая жестокое поведение охранников, заключается в том, что администрацию и надзирателей Соловецких лагерей составляют сосланные сюда чекисты, люди, чье поведение не могут терпеть даже в ГПУ. Они превосходят друг друга, выдумывая все новые и новые пытки, которые применяются, разумеется, не без ведома московского начальства. Заключенных гоняли вокруг двора в течение долгого времени. Пожилые и слабые падали на землю, но их поднимали и принуждали бежать дальше. На глазах у многих стояли слезы, звучали стоны и проклятия. Надзиратели иронически ухмылялись, наблюдая за последствиями своего дьявольского изобретения. Я был настолько подавлен происходящим, что захотел бежать куда глаза глядят, лишь бы не выполнять приказы, но сумел взять себя в руки.

Какими ужасно несчастными и беспомощными выглядели мы. Бедные рабы, жертвы глупых политических идей!

Во время этой пытки многих избивали за то, что они отставали от продолжавших бежать под нескончаемые насмешки и проклятия надзирателей. Все почувствовали облегчение, когда узнали, что это первое испытание было закончено. Снова посыпались ругательства, нам приказали взять свои вещи и разойтись по баракам.

Размещение в бараке

На входе в барак нас в очередной раз обыскали, перетряхнув и тщательно осмотрев все вещи, причем часть вещей вновь была конфискована надзирателями. Наконец мы вошли в довольно большое помещение с двухъярусными нарами. Внутри было тепло, даже жарко. После того как заключенные разместились, принесли обед. Он состоял из миски фасолевого супа и кружки кипятка. Барак был переполнен: спальных мест не хватало, многие были вынуждены расположиться на полу. Арестанты начали ссориться. Стоял неимоверный шум. Некоторые пребывали в отчаянии, рассеянно озираясь вокруг себя, все еще не понимая, где они находятся. Что будет дальше? – этот вопрос тревожил каждого из нас.

Проснувшись ночью, я обнаружил вокруг себя массу огромных клопов, каких никогда не видел в своей жизни. Они впивались в мое измученное, усталое тело и высасывали из него последние капли крови. Не в силах выдержать этого ужаса, я вскочил и больше не мог заснуть.

ГЛАВА ВТОРАЯ. СОЛОВЕЦКИЙ ОСТРОВ

Еще недавно Соловецкие острова были общепризнанной святыней, куда ежегодно стекалось множество православных паломников. Здесь был возведен величественный монастырь со странноприимными домами. Обитель была основана выдающимся монахом Зосимой и его другом Савватием.

Соловецкие острова находятся на Севере, в Онежском заливе Белого моря.

У Белого моря есть своя особенная северная красота и очарование. Вода здесь очень прозрачная, и если в безветренный день отправиться

в плавание на лодке, то можно разглядеть дно со всей его растительностью. Если в солнечный день смотреть на море с берега, то часто невозможно различить линию горизонта, небо кажется поглощенным водой. Отражение в воде настолько яркое, что, если была бы возможность оказаться посреди моря на едва выступающем из него камне, могло бы показаться, что вы стоите на небесах.

На Белом море много островов; некоторые из них покрыты травой и лесами, другие представляют собой голые скалы. Здесь часто дует ветер и налетает шторм. Лето в этих местах короткое; часто снег покрывает землю до середины мая, а холода наступают уже в начале сентября. Зимы не особенно холодные, но весьма снежные. Иногда температура падает ниже 30 градусов, но такие морозы длятся недолго. Как правило, средняя температура зимой около 15-20 градусов ниже нуля. Летом часто идут дожди, и в целом климат очень суровый.

В 1921–1922 годах советское правительство решило превратить Соловецкий архипелаг в концлагерь для тех, кто находился в оппозиции с коммунистическим учением³. Здесь было множество построек, келий, часовен, церквей, а также жилых корпусов для насельников обители и паломников. Все эти здания были конфискованы; лишь одна церковь была оставлена для совершения богослужений. Большая часть духовенства и монастырской братии была выдворена с острова, а помещения заняли заключенные.

Позже всю эту государственную систему называли С.Л.О.Н., что в переводе на русский язык означает Соловецкий лагерь особого назначения⁴. Так, монастырь превратился в страшную тюрьму, где тысячи людей раньше времени сошли в могилу. Соловки стали первым местом ужасных пыток, в которые в течение следующих десяти лет власти превратили многие беломорские острова и сотни участков суши вдоль всего морского побережья от Мурманска, расположенного на берегах Ледовитого океана до Архангельска. Во всех этих таежных районах заключенные трудятся в весьма суровых условиях. Почти вся лесная промышленность России держится на их плечах.

Но давайте возвратимся к описанию Соловецкого острова, а после перейдем к другим местам.

Кажется, Соловки служили местом заключения почти с самого начала существования. Здесь был построен великолепный собор, где православные священники ежедневно совершали богослужение. Священнослужители, облаченные в

позолоченные ризы и шелковые одежды, возносили молитвы и похвалу Богу, в то время как в темницах под храмом в самых ужасных условиях томились заключенные. Несколько священников находились в этой тюрьме за то, что, просветившись чтением Евангелия, начали проповедовать в своих церквях. Но Священный Синод приговорил их к пожизненному заключению, заточив в темницах монастыря. Эти пленники больше никогда не выходили из подземелья и не освобождались. Такие законы существовали вплоть до революции. Выяснилось, что несколько баптистских проповедников были брошены в эти подземные казематы и погибли там. Их имена стали известны после того, как советское правительство прогнало монахов и завладело книгами и архивами монастыря, которые теперь хранятся в Соловецком музее⁵.

Уже до революции здесь было много мучеников, которые пострадали и умерли за Истину. Согласно историческим данным еще во времена правления царя Ивана Грозного те священники, которые стремились внести Божественную правду в жизнь Православной церкви, ссылались на Соловки для пожизненного заключения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ИНКВИЗИЦИЯ И ИНКВИЗИТОРЫ

Мало что известно о том, как Евангелие распространялось среди православных людей. Но есть исторические свидетельства, и недалек тот день, когда ужасная трагедия человеческого зла откроется всему миру. История инквизиции в Испании и в других странах наполняет сердце ужасом, но история Евангелия в России куда ужаснее, поскольку везде Его проповедь отмечена кровью и жестокими страданиями.

В России Православная церковь практически разорена. Несмотря на то что где-то еще проходят церковные службы, надо признать, что про-

³ Лагерь принудительных работ для военнопленных Гражданской войны появился на Соловках в мае 1920 г. СЛОИОН был официально учрежден осенью 1923 г., но первых его заключенных – узников расформированных лагерей на территории Архангельской губернии доставили на Соловки еще в июне 1923 г.

⁴ В 1920-е гг. встречаются разные названия: Лагерь принудительных работ ГПУ на Соловецких островах; Соловецкие лагеря Особого назначения ГПУ; Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения ГПУ; Соловецкий лагерь особого назначения ГПУ; Соловецкие концентрационные лагеря ОГПУ.

⁵ Подобные сведения неизвестны.

водятся они в самых стесненных условиях. Это крушение произошло из-за того, что Церковь переполнила чашу несправедливости. Евангелие подвергается жестоким гонениям и в наше время, но христиане готовы не только пострадать, но и умереть за своего Господа. Все эти гонения идут на пользу верующим. Части тела Христова, пройдя тернистый путь, становятся еще более укорененными и укрепленными в Боге. Никакие силы ада никогда не смогут вырвать их из рук Спасителя, ибо теперь Он Сам держит их.

Даже без учета многочисленных лагерных отделений, только на самих Соловках содержится приблизительно тридцать тысяч заключенных⁶. Большинство их – русские интеллигенты. Немало православных чтецов, диаконов, священников, епископов и архиепископов⁷. Как правило, на этот остров высылают тех, кто приговорен к сроку заключения от пяти до 10 лет⁸. Среди каторжан есть инженеры, учителя, профессора, промышленники, много баптистских и евангелистских проповедников. Есть и уголовники, но их сравнительно немного, потому что если Советская власть начнет преследовать в законном порядке всех, кого она считает преступниками, и будет ссылать их в концлагеря, то значительную часть России потребуется превратить в тюрьму.

Вследствие существующих условий жизни кражи и преступления, кроме политических, редко преследуются по суду. Люди, начиная от простого фабричного рабочего до комиссара, занимающего высокое положение в Кремле, не могут существовать ни на заработную плату, ни довольствоваться выдаваемым продовольственным пайком, поэтому вынуждены красть друг у друга. В России воруют все: нищий, коммунист, комиссар.

Россия полностью разграблена, там больше нет ни богатств, ни сокровищ, которые некогда находились в стране. Все было конфисковано у населения, даже сами конфискаторы потеряли все.

В России женщины носят очень короткие платья, значительно выше колен, что, конечно, позорно. Я спросил о причине этого, и мне сказали, что они не имеют достаточного количества материала, чтобы сделать одежды длиннее и носят их как есть.

Работа на предприятиях продолжается и днем, и ночью, но это сизифов труд, как говорят русские: «Работать, чтобы залатать дыры в кошельке». Слова Соломона лучше всего подходят к описанию происходящего в нашей стране: «Если

Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж» (Пс. 126. 1-2).

Мне не хочется лезть к окружающим в душу, но сердце мое болит, я не могу молчать. Я хотел бы закричать на весь мир, что люди должны сойти с погибельного пути, должны обрести себя и познать Господа нашего Иисуса Христа, Который один может дать им настоящую свободу.

Опытным путем доказано, что свобода, навязанная определенной политической силой, привела несчастную Россию к такому рабству, которого мир не видел прежде. Только те в нашей стране могут чувствовать себя довольными, кто потерял всякую совесть, сочувствие и любовь; кто выбросил из своего сердца все чистое и святое, уступив место злу, которое торжествует победу.

Дверь спасения была широко открыта для нашего великого народа через проповедь Евангелия, но за исключением немногих большинство так и не уяснило спасительную благодать и отклонило Святую Жертву, принесенную ради них на Голгофе Сыном Божиим. Вместо этого они приняли того, кто был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо, когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи.

Теперь я куда как лучше понимаю смысл пришествия антихриста. О, печальная участь грешников, которые не приняли Иисуса как их Бога и Спасителя. Если бы они только знали, что их ждет

⁶ До начала строительства Беломорско-Балтийского канала, фактически «поглотившего» в декабре 1931 г. СЛОН, на Соловках архипелаге, островных и материковых командиров содержалось максимальное за всю историю лагеря количество заключенных. В 1928–1931 гг. число узников колебалось в пределах 63 000–73 000, из которых от 16 000 до 22 000 человек находились непосредственно на Соловках.

⁷ Сведения о составе соловецких заключенных носят дискретный характер, часто просто отсутствуют. Известно, что на 1 октября 1927 г. среди 12 896 осужденных (7445 человек находились на островах, 5451 – на материке) было 11 700 мужчин и 1196 женщин, в первую очередь крестьян – 8711 человек, затем мещан – 2504, рабочих – 629, дворян – 372, казаков – 344, почетных граждан – 213, лиц духовного звания – 119 человек и др. Абсолютное большинство заключенных составляли русские – 9364, затем шли евреи – 739, далее белорусы – 502, поляки – 353 и украинцы – 229 человек.

⁸ Летом 1929 г. вышло постановление СНК СССР об использовании труда заключенных, которое стало важным этапом на пути формирования Главного управления исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ) ОГПУ. Согласно документу в стране появились исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) при ОГПУ СССР, для осужденных на срок лишения свободы, превышающий три года, и исправительно-трудовые колонии (ИТК) при республиканских НКВД, для осужденных на срок до трех лет.

еще в этой жизни. Бог позволяет сатане показывать силу своей власти в России, чтобы предупредить человечество о том, что люди должны отворотиться от своего злого пути и начать служить Богу в Истине, иначе судьба России станет судьбой любой вырождающейся страны.

Церковь Христова должна сосредоточиться на этом обстоятельстве и быть готовой к встрече Бога.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. СУРОВЫЕ СОЛОВКИ

«**О**, кто даст голове моей воду и глазам моим – источник слез! я плакал бы день и ночь о пораженных дщери народа моего» (Иер. 9. 1), – так давным-давно сказал великий пророк Иеремия при виде ужасного бедствия, постигшего его соотечественников. Русский народ также переживает бедственные времена, и всякий, кто скажет слово правды о политике, будет арестован. Дело фальсифицировано, обвиняемый без дальнейшего расследования и судебного разбирательства приговорен к тюрьме, концлагерю или ссылке. Нет никого, кто бы стал защищаться, хотя каждый прекрасно понимает, что невиновен в выдвигаемых против него обвинениях.

В Москве действует специальная коллегия из трех или пяти человек, которые наделены ГПУ всей полнотой власти⁹. Судья, который проводит расследование, оглашает в своем приговоре, что тот или иной человек приговорен к трем, пяти или 10 годам. Несчастный получает лишь уведомление, которое содержит всего три строчки: «Слушали ... Постановили ... пять или 10 лет ссылки». Как только документ подписан обвиняемым, дело считается закрытым.

Все управление Соловецких концентрационных лагерей находится в руках самих заключенных. Ими же осуществляется надзор над узниками, что порождает страшную жестокость. Охрана поручена госслужащим, которые чем-то провинились при исполнении обязанностей. У них есть привилегии, они живут в лучших бараках, спят на отдельных деревянных топчанах. Эти люди получают специальное обмундирование и большой продовольственный паек. При необходимости они уполномочены применять любое насилие в отношении других. За преданную службу им сокращают срок заключения, помимо этого каждый месяц они получают небольшое жалование. В случае побега охранники выдвигаются в погоню,

получая дополнительную плату за каждый день поисков, а за поимку беглеца получают специальное вознаграждение. Честный человек никогда не возьмется за то, чтобы следить за своими союзниками. Только люди с темным прошлым – преступники, растратчики и подобные им – будут искать такую работу.

Многие из них были сосланы в Соловецкий лагерь не вследствие самого факта совершения преступления, а потому, что встали на пути вышестоящих лиц или не обладали достаточной квалификацией для того, чтобы покрыть свои долги, которые получили огласку, и замешанного в них человека судили и наказали лагерным сроком. Охрана заключенных, доверенная ссыльным чекистам, была настоящим бичом для каторжан. Известны случаи, когда такие надзиратели стреляли в охраняемых ими людей без всякой причины. Начальство всегда принимает сторону надзирателя, поскольку он может заявить, что убил человека из-за попытки к бегству.

Санитарные условия в Соловецком лагере самые ужасные. И доктор здесь назначается из числа заключенных. Он получает строгие указания освобождать от работы только тех, чья температура превышает 39°. Между тем есть болезни, которые не сопровождаются высокой температурой, но на таких людей не обращают никакого внимания, они должны продолжать свою работу.

Автор этих строк сам надорвал спину: разгружая тяжелые бревна и заготовливая лес, я повредил ее и не мог наклоняться без мучительной боли. Я пришел на прием к врачу нашего отделения, но вместо ожидаемой помощи был отослан обратно. Со слезами на глазах я пошел в лес, и мне сильно повезло, что трое верующих людей в течение целого месяца добровольно выполняли мою часть работы.

Едва ли из лагеря выходят здоровые люди.

Большинство заключенных больны, те немногие, кто чувствуют себя хорошо, смогли получить через связи сравнительно легкую вспомогательную работу. Совсем ослабевшим иногда позволяют выполнить половину от положенной нормы. В то время, когда я находился в концлагере на Мягострове, ежедневный урок состоял в том, чтобы срубить под корень 20 деревьев, очистить их от ветвей, затем распилить до определенного размера: семь метров в длину и от

⁹ Особое совещание при Коллегии ОГПУ – внесудебный орган, уполномоченный рассматривать уголовные дела по обвинениям в деяниях, угрожающих советскому строю.

девяти до 18 сантиметров по ширине. Обработанную древесину полагалось сложить в один или два штабеля. В каждой группе работают три или четыре человека. Следовательно, группа из четырех человек должна была обрабатывать 80 деревьев ежедневно.

У соловецкого начальства имеется специфический способ учета. Если врач находит заключенного неспособным выполнить норму целиком, ее снижают на половину, но при этом ожидается, что каторжанин каждый день будет заготавливать по 15-16 деревьев. И бесполезно пытаться убедить нарядчиков, что такой расчет является неверным.

Невозможно даже вообразить страдания несчастных людей, которые не в состоянии выполнить свою ежедневную норму. Таких заключенных на всю ночь оставляют в лесу. Немало и тех, кто подвергается подобной пытке каждую ночь.

На Мягострове в 1929 году содержалось около 300 человек: половина из них работала на территории лагеря, другая – в лесу. Оставшиеся в нем на ночь по приказу охранников разжигали большой костер. Самых заключенных сгоняли в кучу примерно в шести метрах от огня, где они стояли всю ночь, не двигаясь и не разговаривая друг с другом.

На следующее утро каждый из них получал по 400 граммов посланного из лагеря хлеба, и после этой скудной еды люди должны были продолжить выполнение своей обычной работы на других участках леса. Некоторые заключенные не возвращались в свои бараки в течение многих недель просто потому, что не могли закончить положенный урок в течение дня. Нетрудоспособные, голодные и обессиленные от нехватки сна, они проклинали все на свете, бранились и поносили Бога и Господа нашего Иисуса Христа.

Были случаи, когда у людей, которые провели всю ночь в холоде, были отморожены конечности и другие части тела.

В 1929 году приблизительно 68 человек искалечили свои тела, кто-то отрубал пальцы или кисти рук, другие калечили ноги, чтобы получить освобождение от ужасной работы в лесу.

Вся древесина, экспортируемая Советской Россией в другие страны, окрашена кровью заключенных и пропитана их слезами.

Я и сам был свидетелем таких ужасных сцен. Один раз, закончив работу, я возвращался к баракам и обратил внимание на то, что вся лесная просека была в крови. Объяснялось это тем, что какой-то бедняга отрубил себе ногу, и, когда его,

искалеченного и кровоточащего, волокли в барак, он залил дорогу собственной кровью.

Однажды изможденный заключенный приблизился к костру, у которого грелись охранники, и попросил разрешения возвратиться в барак, т.к. чувствовал себя больным и обессиленным. Но надзиратели отказали ему в этом и, рассыпая оскорбления, стали угрожать карцером в случае, если он продолжит жаловаться. Несчастный взял топор и на глазах у всех отрубил большой палец левой руки. Один из вооруженных охранников сказал: «Продолжай, ты отрубил слишком мало». Заключенный вновь поднял топор и отсек левую руку целиком.

Просто вообразите себе то ужасное состояние, до которого довели человека, сознательно идущего на такой шаг, какая жестокая внутренняя борьба должна была происходить в нем. Ужасы испанской инквизиции блекнут при сравнении с ужасами советской деспотии.

В другой раз к костру подошел молодой человек, который едва передвигал ноги. Его сердце горело страстным желанием жить. Далеко дома его любимые – жена и дети – с нетерпением ожидали возвращения папы, который отсутствовал так долго. Он пытался выполнить свою ежедневную норму, но эта работа была непосильной для него. Изю дня в день он становился все более изможденным, ему не хватало сил для работы. Семья же была слишком бедна, чтобы поддерживать его деньгами или продовольственными посылками, без которых невозможно было выжить в лагере.

Приблизившись к огню, заключенный опустился на снег. Вооруженные охранники кричали на него, понуждая вернуться в лес и вновь приступить к работе, но человек не мог двигаться. Он умолял, чтобы ему дали хотя бы обогреться у костра. Дрожа всем телом, он упал. Один из надзирателей подошел к нему и ударил ногой в бок, но никакой реакции не последовало. Тогда заключенного начали поносить, называть бездельником и обманщиком. Когда его, наконец, взяли за руки, чтобы оттащить от огня, стало понятно, что человек мертв. Все его страдания и мучения отразились на лице. Напрасно будут дети ждать своего папу; он никогда не вернется. Молодая жизнь была оборвана жестокой рукой. Я знаю тысячи таких случаев.

ГЛАВА ПЯТАЯ. СОЛОВКИ И СТРАДАЛЬЦЫ

Говоря вообще, человеческая жизнь в концлагерях не имеет никакой ценности, она не дороже жизни насекомого. Преступникам с садистскими наклонностями дают неограниченную власть над жизнью и смертью заключенных. Помните, что в Соловецком лагере все охранники и надзиратели – бывшие чекисты-садисты, т.е. агенты тайной полиции, чьи руки и сердца запятнаны человеческой кровью. Они прошли полный курс обучения у таких наставников, как Дзержинский, Ягода, Уншлихт. Помните и о том, что все чекисты ужасно развращены и большие пьяницы.

Я слышал от одного заслуживающего доверие человека (кроме того, я и сам знаю это, потому что, во-первых, Мягостров, где я отбывал заключение, находится совсем рядом с Соловецким архипелагом, а во-вторых, потому что пароходы из Соловков часто заходили к нам) такое описание террора.

Приблизительно тридцать тысяч заключенных находятся на главном острове архипелага, тогда как другие рассредоточены на соседних островах и вдоль побережья Белого моря. На острове есть узкоколейка, проложенная посреди леса. По этой железной дороге заготовленный лес и дрова вывозятся в заселенные части острова. Здесь действуют кожевенная фабрика, механическая и столярная мастерские, литейный завод, силами заключенных производится оборудование для нужд Красной армии. Развита и многие другие промыслы, такие как рыболовство, имеется завод по засолке рыбы и прочее.

Все работают без оплаты, получая продовольственный паек, одежду и места в грязных бараках, которые кишат паразитами и другими насекомыми типа клопов и тараканов; летом здесь роятся мухи и комары. Хотя заключенные добывают много рыбы, они не имеют права есть ее и получают только отбросы. Было время, когда правительство СССР закупило на иностранных рынках дешевую рыбу самого низкого качества для заключенных лагерей. Одновременно с этим правительство экспортировало за границу добываемый ими улов. Импортная рыба плохого качества пошла не только заключенным, но и фабричным рабочим во многих советских городах. Ради утоления голода люди были рады и этому.

В 1929 году на Соловках было 29 000 заключенных мужчин и женщин. Самый большой при-

ток каторжан приходится, как правило, на осень. В течение зимы сообщение с островом, который расположен приблизительно в 60 километрах от материка, прерывается. Белое море покрывается льдом только вдоль берегов (примерно на расстояние пяти километров), тогда как остальная часть его акватории не замерзает из-за многочисленных течений. Время от времени зимой на остров отправляется специальный самолет, другого способа поддерживать почтовое сообщение нет. Имеется несколько лодок, которые могут передвигаться между островом и материком, но эти суда часто погибают в пути, так и не достигнув цели. Бывает, что их затирает в ледяных полях, которые отрезают путь к открытому морю. Если гребцы чудом высаживаются на какой-нибудь остров, то они пытаются подать оттуда сигналы бедствия проплывающим мимо кораблям, но если эти знаки остаются незамеченными, то люди умирают от голода. Известны случаи, когда такие почтовые лодки уносило в открытое море и их экипаж замерзал или погибал от истощения. Я сам был свидетелем этого.

Одна такая почтовая лодка с двумя гребцами на борту пристала к берегу Мягострова. В поисках человеческого жилья эти люди набрали на лагерь и прожили с нами около двух недель. Они рассказали нам о своих товарищах, которые погибли в море. Эти двое мужчин были единственными, кому удалось спастись. Лодка, на которой они пересекали море, в течение долгого времени металась по волнам. Наконец она достигла небольшого, покрытого льдом острова. Когда карбас пристал, некоторые члены экипажа решили подняться на обледеневшую возвышенность для того, чтобы определить свое местоположение. Во время их отсутствия отлив увлек лодку вместе с плавающим льдом. Когда люди возвратились на берег, их судно было уже далеко в море. Можете вообразить себе ужас тех, кто остался на необитаемом острове. У них не было запаса еды, никакой одежды или воды для питья, все это находилось в лодке. Люди были обречены на смерть, поскольку им предстояло либо замерзнуть, либо умереть от голода. Это почтовое сообщение также осуществлялось заключенными.

Как я уже говорил, осенью 1929 года на Большом Соловецком острове находилось 29 000 узников, но с наступлением весны, когда было возобновлено морское сообщение, выяснилось, что в живых осталось всего 9000 человек, да и те

были крайне ослаблены и казались развалинами¹⁰. Среди них был один из братьев Морозовых, принадлежащий известной семье тверских промышленников.

Таким образом, приблизительно через пять-шесть месяцев из 29 000 человек – 20 000 погибли. Те, кто освидетельствовали их смерть, говорили, что никого не хоронили в отдельных могилах, тела подобно мусору бросали в общие ямы без каких-либо церемоний, а после присыпали мерзлым песком и землей.

Только в одном Соловецком лагере было замучено 20 000 человек, которые раньше времени сошли в могилу. Многие погибли от холода не только из-за отсутствия одежды, но и потому, что, не имея сил выполнить ежедневную норму, были вынуждены проводить ночи в лесу, где не могли даже обогреться у костра.

Многие умерли от голода, поскольку их пайки не хватало для поддержания сил. Хуже всего приходилось тем, у кого не было родных, которые могли бы отправить им продовольственные посылки. Обычно в течение зимнего периода заключенные их не получают, хотя родственники и продолжают посылать передачи, которые скапливаются до начала морской навигации на причале в Кеми. Однако с наступлением весны там остается лишь очень небольшое количество еды, поскольку часть ее съедают крысы, другая – разлагается, бывает и так, что охранники пользуются содержимым посылок. Таким образом, заключенные получают свои передачи или с испорченными продуктами, или только очень небольшую их часть.

Многие умирают от сыпного тифа, ужасного поветрия, бушующего среди каторжан, бороться с которым медицинские работники неспособны. Никто из заключенных не помянет добрым словом этих эскулапов, которые только создают видимость, что проявляют заботу к миллионам советских узников.

Врачи на Соловках выбираются, скорее всего, в соответствии с требованиями, предъявляемыми к лагерю каторжных работ, где нет места для специалиста, который был бы честен или хотя бы не окончательно потерял совесть. Только те, кто полностью подчиняются требованиям главного чекиста, могут работать в концлагере, иначе они сами попадут на общие работы. Весь медицинский персонал – доктора, их помощники – заключенные, чья этика сопоставима с нравственными понятиями лагерных надзирателей. Они игнорируют жалобы людей на плохое самочувствие или

усталость. Врач меряет больному температуру, и если она ниже 39°, человек не получает освобождения от работы. Медики обычно оскорбляют пациента, обвиняя его в симуляции, поскольку, по их мнению, пока у человека есть голова, способность двигать руками и ногами, он может работать. С таким диагнозом больного выгоняют вон. Я заявляю об этом на основании собственного опыта.

Многие умирают от цинги. В одном бараке из ста человек, страдающих этим недугом, выжили только пятеро. В то же самое время нужно помнить, что в условиях большой нехватки еды, одежды и медицинских принадлежностей даже самые квалифицированные специалисты мало что могут сделать для своих пациентов. Это ужасное положение дел оказывает весьма деморализующее воздействие на медиков, даже на лучших из них. Я наблюдал за доктором, который, будучи человеком исключительной порядочности и сострадания, со временем стал как все. В начале он, правда, боролся, терпеливо перенося попреки и ругань надзирателей, но, в конце концов, сдался. Без сомнения, собственная жизнь была ему дороже, чем жизнь ближнего.

Кто-то умирает от пыток, кого-то пристрелили чекисты-охранники. На Соловках ежедневно совершаются самоубийства: заключенные вешаются, топящаяся, бросаются под проходящие поезда, отрубая себе руки и ноги, только бы освободиться от невыносимого труда. Наблюдая за происходящим, можно легко понять, какое уныние царит среди медиков, как атрофируются их сердца к боли и мучениям отдельного человека. Все это теряется в океане общих страданий. Только здесь понимаешь русскую пословицу: «Лес по дереву не плачет». Обычно беглых заключенных расстреливают на месте. Бывает так, что их тела выставляют на видном месте возле барачных или туалетов и оставляют там в течение двух недель. Это делается специально с целью нагнать на других заключенных страх и удержать их от попытки побега.

Те, кто не способен трудиться в лесу, например пожилые православные священники, должны трудиться в самом лагере. Их часто заставляют во-

¹⁰ По официальным данным, за первые десять лет существования Соловецкого лагеря в нем погибло 7500 человек. О гибели в беломорских лагерях зимой 1929–1930 гг. во время эпидемии брюшного тифа и дизентерии более двадцати тысяч заключенных, – сообщается в воспоминаниях других заключенных.

зить воду на санях из отдаленных мест, даже летом, хотя это очень трудно. Концлагерь является примером жестокой насмешки над людьми.

В СЛОНе существует сто десять узаконенных видов наказаний. Например, несмотря на то что у каждого есть свой срок заключения в три, пять или 10 лет (хотя, строго говоря, никто не в состоянии выдержать 10 лет такой жизни), это совсем не означает, что после его окончания человек будет немедленно освобожден.

Как правило, дело отсылается в Москву в Административно-организационное управление ГПУ. Начальник концлагеря, который ведет наблюдение и фиксирует беседы, поведение и работу каждого заключенного, посылает свою характеристику относительно его образа жизни и мыслей. Часто бывает так, что в конце срока заключенному добавляют еще три или пять лет каторжных работ. Наиболее мягкий приговор – дальнейшая ссылка на Крайний Север, Сибирь, Урал или Азию.

Что касается меня, то после окончания положенных трех лет я был оставлен в лагере еще на шесть месяцев, поскольку, как шутили в канцелярии, вместо меня по ошибке выпустили моего однофамильца. После этого московское начальство приговорило меня еще к трем годам ссылки на север Архангельской губернии.

Условия жизни там были не лучше, чем в концлагере, а в чем-то даже хуже. Ужасные страдания, кажется, не пробуждают людей к подлинным ценностям; напротив, люди становятся еще более бесчувственными и озлобленными, грубыми и скрытными, чем когда-либо.

Мы, верующие, чувствовали в лагере проявления божественной любви, но другим заключенным этого не дано. Их сердца закоснели против Бога, Который один может рассеять царящую темноту Своим вечным Светом. Теперь я, кажется, лучше понимаю, как будет выглядеть будущее состояние грешников, которые подобно сатане никогда не придут к раскаянию. Лукавый знает, какое наказание предопределено ему Богом, но он никогда не признает своей вины и не покается.

Верующие, которые наравне с другими разделяют тяготы заключения, живут иной жизнью. Они утешают многих в лагере: никогда не обвиняют, не проклинают и не поносят. Они знают, что и волос не упадет с их головы без воли их Небесного Отца. Они полностью предали себя Богу, благодарят Его за все и знают, что Добрый пастырь Иисус Христос ведет их Своим особым путем на «злачные пажити» и к «водам тихим».

Действительно, этот путь трудный и тернистый, но Бог никогда не оставляет их и дает силы немощным. Даже смерть не страшит верующих людей, поскольку глазами веры они видят за воротами смерти вечный день, вечную радость и любовь Бога.

Огонь зла, который вспыхнул в России вследствие несправедливости людей, распространится по всему миру. Насколько несчастен мир без Христа! Дом, который не построен на камне, разрушится, и его крушение будет великим. Вечно только то, что основано на воле Божией, и никакие бури и шторма не повредят его. Это зиждется на камне, который есть Христос Страдавший и Распятый.

Через горнило этого огня прошли и верующие люди. Те, кто не родился для Бога, погибли, ибо сказано в Священном Писании: «всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится» (Мф. 15. 13).

ГЛАВА ШЕСТАЯ. БОЖЕСТВЕННОЕ СПАСЕНИЕ ОТ ГИБЕЛИ В ОЗЕРЕ КАРАСЬ

После того как в октябре 1930 г. закончился срок моего пребывания в Соловецком лагере, я был приговорен еще к трем годам ссылки на север Архангельской губернии. После мучительного карантина в К[еми] восьмерым лагерникам позволили выйти за ворота пересыльного пункта. Хотя нас и сопровождали три конвоира, мы почувствовали себя более свободными, когда ворота закрылись за нами. Православные обнажили головы и осенили себя крестным знаменем. Мы, трое верующих в Жизнодавца Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, также сняли головные уборы и поблагодарили Бога в своих сердцах за то, что Он до сей поры хранил нас. Мы разместились на борту судна, которое шло по направлению к Архангельску, и радовались путешествию по Белому морю, ощущая себя свободными. Двигаясь в Архангельске вдоль Северной Двины, мы видели по берегам работающих вольных людей и надеялись на то, что и сами вскоре получим свободу и будем, хотя бы и в ссылке, вести человеческое существование. Но наши надежды не оправдались. В Архангельске конвой передал нас в местное ГПУ, и мы как рабы были проданы тресту «Северные леса». Наши протесты не были услышаны. По закону мы имели право на выбор работы и места проживания в определенном районе,

но местная администрация лишила нас этих прав. Вообще, в Советской России не существует свободных людей. Все они рабы, которые живут вопреки собственным желаниям.

Нас, примерно два десятка человек, пригнали ночью в бараки, настолько грязные и темные, настолько кишашие паразитами всех видов, что ничего подобного нельзя было вообразить. На следующий день нас посадили в поезд, выдав на весь день граммов по 500 хлеба и по одной селедке. Проехав часть пути, мы были вынуждены еще около семи километров идти по болоту. Путь, в который мы отправились ранним утром, завершился поздним вечером. Несколько раз мы соскальзывали с гатей, которые указывали дорогу через топь, и падали в воду. Все промокли и продрогли, так как к тому времени уже выпало немало снега. Когда мы пришли на место, нас вновь поместили в барак. Казалось, что условия здесь были гораздо хуже, чем в концлагере. Каждый день нам приходилось выполнять определенный объем работ, получая взамен маленькую хлебную пайку. Из всех наших заработков вычиталось 25%, поскольку мы были абсолютно бесправными людьми. Нам даже не выдавали зарплату, кроме небольших сумм, которые шли на покупку продуктов. За большими никто не ухаживал, в лесу они должны были трудиться наравне с другими. Я хорошо помню, как надзиратель несколько раз сильно ударил рукояткой своего револьвера двух пожилых православных священников за то, что они по болезни остались в бараках.

Несмотря на трудные условия, Бог поддерживал нас духовно, даже гонимые, мы могли свидетельствовать о Христе. Однажды в ноябре, закончив ежедневный урок, мы с товарищем возвращались на ночевку в барак. Нам надо было преодолеть озеро, которое к тому времени уже покрылось тонким льдом. Озеро можно было обойти кругом, но мы решили пройти напрямую через водоем, глубина которого местами достигала сотни метров. Я пошел первым. На плечах я нес топор, веревку и длинную тонкую жердь, которой отмерял заготавливаемую древесину. Мы благополучно миновали середину озера и приближались к противоположному берегу. Когда до него оставалось приблизительно 75 метров, я почувствовал, что лед начал ломаться. Я попытался быстро пробежать оставшееся расстояние, но провалился в воду. Изо всех сил я стремился выбраться на поверхность, но лед проваливался и я не мог удержаться на нем. Топор и веревка утонули, но мерный шест лежал на льду вдалеке от меня. Мой

напарник, видя, что я тону, спасая свою жизнь, убежал в обратном направлении. Обувь и ботинки намокли и тянули ко дну. Все мои усилия выбраться на лед были напрасны. Не было никого, кто мог бы прийти на помощь, а силы оставляли меня. Я попал на глубокое место. Я не боялся смерти, поскольку знал, что смерть была побеждена моим Спасителем, через веру в Которого я имел вечную жизнь. Тем не менее я хотел жить и работать на Него. С этим чувством я воскликнул: «Бог спасет меня, или я погибну». И Господь сотворил чудо посредством моей палки, которая, будучи недосягаемой, вдруг оказалась рядом. Я протянул руку и схватил ее. Я был по горло в воде, но при помощи мерного шеста Бог позволил мне постепенно вылезти на лед, который больше не ломался. Он совершил чудо, по тончайшему льду мне удалось добраться до берега, и через несколько минут я уже был в бараке. Собратья во Христе и друзья радовались со мной этому замечательному избавлению.

Бог вчера и сегодня и вовеки Тот же.

Это пример только одного чудесного избавления среди тысяч. Бог даст, в другое время я опишу некоторые события в моей жизни, когда Господь показал Свое милосердие и помощь во время нужды.

